

В мгновение ока Су Сяовань внезапно вспомнила те бессвязные слова, что бросила ей Цзюньчжу!

Делать нечего! Утопающий за соломинку хватается!

Она выпрямилась, глубоко вдохнула и, подражая манере местных талантов, начала с важным видом покачивать головой, нараспев произнося:

— Ледяной шелк скроен... в одиночку гордится весенним холодом!

Стоило ей закончить эти восемь слов, как в голове воцарилась пустота. Она застыла на месте, слыша лишь собственный бешеный пульс.

Вокруг воцарилась странная тишина.

В душе Су Сяовань отчаянно выла: Все пропало! Позор на весь мир! Цзюньчжу, ну зачем ты меня подставила! Что толку от этих восьми слов!

И пока она уже готова была провалиться сквозь землю, старый господин Чэнь, сидевший во главе стола, внезапно просиял. Он хлопнул в ладоши и громко воскликнул:

— Чудесно! Просто великолепно! Ледяной шелк скроен — так тонко и прозрачно описать лепестки белой сливы, это истинное мастерство формы и духа! А слова в одиночку гордится весенним холодом прекрасно передают стойкий характер цветка, не боящегося инея и снега! Кратко, но как глубоко, какой образ! Пусть это лишь начало, но талант уже виден. Девушка, вы невероятно одарены!

Стоило старику начать, как остальные гости, до этого пребывавшие в легком замешательстве, тут же принялись наперебой расточать похвалы. Неважно, поняли они что-то или нет, главное — похвалить.

Су Сяовань: ???

Она растерянно повернулась к Ань Юньсюэ, глядя на нее с немым вопросом: Кто я? Где я? О чем они все говорят?

Цзюньчжу, наконец, отставила чашку, которую изучала добрую половину вечера, и подняла взгляд. В ее глазах мелькнуло удивление, которое тут же сменилось глубоким, насмешливым и пытливым одобрением.

Она едва заметно кивнула Су Сяовань.

Получив сигнал, Су Сяовань тут же решила ковать железо, пока горячо. Она подобострастно улыбнулась господину Чэню и остальным присутствующим:

— Господин, вы слишком добры! Служанка, ваша служанка, просто прислуживает Цзюньчжу изо дня в день, вот и нахваталась кое-чего, пропиталась духом, так сказать! Таланты Цзюньчжу глубоки, как море, мне до нее как до луны! Как до луны!

Система, скорее записывай! Это уже вторая фраза!

[Динь! Успешно использован чужой авторитет, скрытая похвала Цзюньчжу. Прогресс задания (2/3).]

Однако всегда найдутся те, кому не по душе чужой успех.

Как раз когда атмосфера, казалось, наладилась, снова раздался тот самый резкий женский голос, полный неприкрытой издевки:

— Я-то думала, что за гениальные строки, а оказалось — лишь повторение чужих мыслей, пустое позерство!

Все обернулись на звук. Конечно, это была Лю Жуянь.

Она вышла вперед, помахивая веером, с фальшивой улыбкой на губах.

Она давно была влюблена в Сяо Чэня и считала себя великой поэтессой. Видя, как старательно подготовленные ею стихи меркнут на фоне восьми слов, небрежно брошенных служанкой Ань Юньсюэ, она закипела от ревности. Старые обиды и новая злость почти сжигали ее изнутри.

Она презрительно окинула взглядом Су Сяовань и обратилась к старому господину Чэню:

— Господин, вы человек почтенный, не дайте себя обмануть этим разыгранным спектаклем. Разве не всем известно, как талантлива Ань Цзюньчжу? Возможно, кто-то заранее выучил ее стихи, чтобы блеснуть в такой момент и заработать дешевую славу? Разве может простая служанка разбираться в поэзии и ритмике? Не смешно ли это?

Слова были крайне ядовиты. Она не только обвинила Су Сяовань в обмане, но и бросила тень на саму Ань Юньсюэ, намекнув, что та ради собственного престижа заставила служанку подыграть ей.

Атмосфера в зале мгновенно остыла, стало невыносимо неловко.

Су Сяовань сжалась, не зная, как ответить на столь злобный выпад, но тут услышала легкий щелчок.

Это Ань Юньсюэ аккуратно поставила чашку на стол.

— Слова госпожи Лю, пожалуй, слишком предвзяты, — голос Ань Юньсюэ оставался мягким, но в нем проступила прохлада, словно в весеннем ручье. — Поэзия — вещь одухотворенная, с каких пор она стала зависеть от статуса? Неужели в глазах госпожи Лю человек низкого происхождения не может обладать душой?

Она помолчала, лениво переводя взгляд на побледневшую Лю Жуянь, и полуулыбнулась:

— К тому же... если уж говорить о повторении чужих мыслей, то в вашем недавнем стихотворении о пионах такие выражения, как дивная красота и роскошное величие, подозрительно напоминают строки древних авторов из сборника Собрание цветов. Неужели это просто случайное совпадение взглядов с великими поэтами прошлого?

Пф! Один из молодых господ не удержался и прыснул, тут же прикрыв рот рукой.

Лицо Лю Жуянь мгновенно стало багровым!

Ань Юньсюэ даже не произнесла слово плагиат, лишь намекнула на совпадение взглядов, но это было куда унизительнее прямого обвинения!

Ань Юньсюэ больше не смотрела на нее, словно просто высказала свое мнение.

Она повернулась к Су Сяовань, ее глаза лучились такой нежной улыбкой, что в ней можно было утонуть:

— Сяовань, иди сюда.

Су Сяовань поспешно подошла.

На глазах у всех Ань Юньсюэ изящными пальцами взяла с тарелки миниатюрное печенье в форме цветка лотоса и с естественной грацией поднесла к губам Су Сяовань.

Ее голос был негромким, но все вокруг отчетливо его слышали, когда она бросила мимолетный взгляд на Лю Жуянь и позеленевшего от злости Сяо Чэня:

— Отличный ответ. Это тебе награда. И заодно... чтобы кое-кому закрыть рот.

Жест был слишком интимным, слишком выходящим за рамки приличий!

В одно мгновение все взгляды устремились к ним, полные шока и недоумения.

Цзюньчжу сама кормит служанку сладостями?!

Су Сяовань была ошеломлена. Глядя на тонкие, как нефрит, пальцы, от которых исходил легкий аромат, и на аппетитное лакомство, она, отключив голову, машинально раскрыла рот и укусила печенье. Ее губы неизбежно коснулись прохладных, нежных пальцев Цзюньчжу!

Пальцы Ань Юньсюэ едва заметно дрогнули, она быстро спрятала руку в широкий рукав, но легкий румянец на кончиках ее ушей выдал ее беспокойное состояние.

Однако на лице по-прежнему сияла благородная и мягкая улыбка.

Су Сяовань ничего не заметила, сосредоточенно жуя печенье. Оно было сладким, но не приторным, рассыпчатым и вкусным.

Она не забыла о своей главной задаче и, невнятно выговаривая слова, громко похвалила, стараясь, чтобы слышали все:

— Спасибо за милость, Цзюньчжу! Вы такая красивая, добрая и талантливая! Не только стихи пишете прекрасно, но и сладости выбирать умеете лучше всех! Этот лotosовый десерт такой вкусный, прямо как вы — снаружи кажется холодной, а внутри — нежнее и внимательнее всех!

Все вокруг: !!! Эта служанка... совсем страх потеряла?! Мало того что съела лакомство из рук Цзюньчжу, так еще и осмелилась давать ей оценку?!

Лю Жуянь от ярости едва не сломала свой веер!

Бокал в руке Сяо Чэня жалобно скрипнул, готовый разлететься вдребезги. Эта Су Сяовань не только раз за разом перетягивает внимание на себя, так теперь еще и посмела... посмела так осквернить его идеальную мечту!

Су Сяовань: (жует-жует) М-м? А печенье и правда вкусное.

Поступок Ань Юньсюэ стал подобен огромному камню, брошенному в тихий пруд, поднявшему тысячи брызг.

Воздух вокруг словно застыл, все взгляды были прикованы к госпоже и служанке.

Какой статус у Цзюньчжу? И вдруг такая снисходительность — кормить с рук простую служанку?

Даже если та случайно блеснула парой строк, это все равно слишком вызывающе!

Что же такого особенного в этой Су Сяовань?

Лю Жуянь, охваченная ревностью, кусала губы.

Она была уверена, что во всем превосходит эту никчемную девчонку — и внешностью, и талантом, и происхождением.

Взгляд генерала Сяо должен быть обращен к ней, а теперь даже Цзюньчжу так благоволит этой девке!

Она не могла просто так сдаться!

Подавив гнев, она взмахнула веером, выдавила из себя кокетливую улыбку и нарочито громко, с явным вызовом произнесла:

— Цзюньчжу так добра к своим слугам, это очень трогательно. Но сегодня у нас поэтический вечер, мы собрались, чтобы обменяться стихами. Раз уж все уже блеснуло талантами и даже служанка Цзюньчжу удостоилась похвалы господина Чэня, не будет ли разочарованием, если вы, как хозяйка вечера, не прочтете свое стихотворение? Как считаете, господа?

<http://bllate.org/book/18826/1832336>